

ДМИТРИЙ КРУПАН

КРОВАВЫЙ РАСЧЁТ

Дмитрий Крупан

Кровавый расчет

«Автор»

2026

Крупан Д.

Кровавый расчет / Д. Крупан — «Автор», 2026

В глухой деревне происходит жестокое убийство, и расследовать его поручают следователю Роману Хмурову. Улики приводят его к старой церкви, где живёт матушка Марфа полуслепая старуха, которую местные жители почитают и одновременно боятся. Марфа явно скрывает нечто, связанное с храмом. Чем глубже Роман погружается в историю деревни, тем чаще сталкивается с противоречивыми свидетельствами, исчезновениями и следами древнего обряда.

© Крупан Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Следы в церковной пыли. Глава 1. Деревня	5
Глава 2. Убийство без оружия	11
Глава 3. Старая церковь	23
Глава 4. Марфа	27
Гл	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кровавый расчет

Часть I. Следы в церковной пыли. Глава 1. Деревня

Ноябрь в этих краях никогда не приходил исподволь. Он обрушивался на тайгу разом — серым, мокрым и невыносимо тяжёлым обухом, выстуживая воздух до ледяной ломоты в суставах и превращая единственную грунтовку в непроходимое месиво из чёрной глины, полусгнившей хвои и колотого льда.

Служебный «УАЗ» кидало из стороны в сторону уже третью версту. Двигатель надрывно ревел, захлёбываясь на крутых подъёмах, колеса со свистом прокручивались в глубоких колеях, разбрызгивая грязную жижу на мутные стёкла. Дворники с жалобным скрипом размазывали по лобовому стеклу ледяную морось, не справляясь с потоками воды.

За рулём сидел местный участковый — молодой, не старше двадцати пяти лет, сержант по фамилии Гусев. У него была худая, обветренная шея, торчащая из слишком просторного ворота форменной куртки, и нервно вздрагивающие длинные пальцы, которые мёртвой хваткой вцепились в потёртый обод руля. Костяшки его побелели. За два часа изматывающего пути он не произнёс почти ни слова, только тяжело, с присвистом вздыхал, когда машину особенно сильно кренило, и натужно кашлял в кулак, то и дело бросая вороватые, изучающие взгляды на своего пассажира.

На соседнем сиденье, поджав длинные ноги и уткнувшись острым подбородком в поднятый воротник старого, выцветшего драпового пальто, ехал старший следователь областного управления Роман Хмуров.

Ему было тридцать восемь, но в салонном зеркале заднего вида, заляпанном брызгами грязи, отражался человек без определённого возраста. Лицо с резкими, словно вырубленными из серого пористого камня чертами казалось болезненно осунувшимся. Глубокие тени залегли под глазами от хронической бессонницы, между густыми бровями прорезалась жёсткая вертикальная складка, а на висках, контрастируя с тёмными короткими волосами, лежал плотный иней ранней седины.

Роман не смотрел на дорогу. Он неотрывно, гипнотически глядел в боковое окно.

За стеклом тянулся нескончаемый, угрюмый ельник. Деревья стояли так плотно, будто протискивались друг сквозь друга, сплетаясь обнажёнными, промокшими ветвями в глухую, непроницаемую стену. В этом лесу не было ни птичьего свиста, ни шороха мелкого зверя, ни даже привычного, успокаивающего запаха прелой листвы. Только глухой, ровный гул верхового ветра, треск тяжёлых шин, ломающих ледяную корку луж, да гнетущее ощущение, что за машиной кто-то непрерывно наблюдает из чащи. Здесь всё казалось чужим, выцветшим и враждебным, словно из мира навсегда убрали солнечный свет, оставив лишь стылые оттенки серого, чёрного и ржаво-коричневого.

В тесной кабине густо пахло сырой овечьей шерстью от накинутах на сиденья чехлов, едким бензином, перегретым машинным маслом и кислым потом нервничающего участкового.

Машина в очередной раз ухнула в яму. Раздался металлический скрежет подвески. Гусев тихо, сквозь зубы выругался, выравнивая руль.

— Скоро выедем, товарищ капитан... — просипел наконец участковый, не поворачивая головы, словно извиняясь за дорогу, за погоду и за само существование этого места. Голос у него был сорван, с неприятной петушиной хрипотцой, выдающей крайнюю степень внутреннего напряжения. — За этим поворотом долгим Низовка и будет. Там низина, ложбина глухая, ветер поменьше гуляет. Вы уж не обессудьте, дорога сюда с осени всегда такая, лесовозы в своё время всю колею разбили, а чинить район не хочет... Деревня-то, почитай, мёртвая.

Роман промолчал. Он лишь медленно вытащил из кармана пальто мягкую пачку дешёвых сигарет, покрутил её в длинных, бледных пальцах. Картон пачки был влажным. Доставать сигарету он не стал — курить в закрытой, пропахшей бензином кабине не хотелось, а просить остановить машину посреди этого мертвого леса не было никакого желания. Он сунул пачку обратно, чувствуя, как холод медленно, но верно забирается под одежду.

— Что значит «почитай мёртвая»? — сухо спросил Хмуров. Это были его первые слова за последние сорок минут пути. Голос прозвучал низко, ровно, без малейших интонаций, как зачитываемый протокол.

Гусев вздрогнул, обрадовавшись, что молчание наконец нарушено, но тут же стушевался под тяжестью этого бесстрастного тона.

— Да то и значит, Роман Сергеевич. Вымирает Низовка. В восьмидесятых тут леспромхоз крепкий был, лесопилка работала в три смены. Людей полно было, школа своя, клуб. А как в девяносто восьмом предприятие обанкротилось, так молодёжь вся в город и подалась. Кто покрепче — уехали. Остались одни старики да те, кому податься некуда. Пьют горькую, лесом живут, браконьерят потихоньку. Домов жилых, дай бог, десятка полтора наберётся на всю округу. Остальное — гниль да заколоченные окна. Место тут такое... дурное. Отшиб.

— А связь?

— Какая там связь, — криво усмехнулся Гусев, нервно дёргая плечом. — Вышка сотовая за сорок километров, за перевалом. Сюда сигнал не добивает, разве что на самую высокую сосну залезть. В сельсовете рация старая стоит, от лесников осталась, по ней со старостой и связываемся. Да и то, берет через раз, если погода ясная. А в такую морось, как сегодня — только шипение одно. Считай, отрезаны мы сейчас от большой земли.

Роман прикрыл глаза, слушая монотонный стук дворников. Отрезанность от мира его не пугала. За годы службы в управлении он привык к подобным медвежьим углам, где законы Российской Федерации заканчивались там же, где асфальтированная дорога, уступая место законам тайги, круговой поруке и первобытному молчанию. Люди в таких местах не доверяли полиции. Они решали проблемы сами. Если в такой деревне убивали человека, то обычно виновного находили до приезда опергруппы, и приезжим следователям оставалось только зафиксировать факт поножовщины по пьяной лавочке или результат давней земельной ссоры.

Но то, что было написано в скупой, трескучей телефонограмме, принятой дежурным прошлой ночью, на бытовую поножовщину не походило.

«Обнаружен труп местного жителя. Множественные повреждения грудной клетки неясного генеза. Признаков применения огнестрельного или холодного оружия не выявлено. Местные жители агрессивны, препятствуют транспортировке тела».

Именно последняя фраза заставила начальство отправить в эту глушь не просто опера, а старшего следователя Хмурова. Если деревня бунтует вокруг покойника — значит, есть тайна. А там, где есть тайна, Роман привык рыть до победного конца.

Машина выскочила из древесного коридора внезапно, словно лес, наигравшись, с презрением выплюнул её из своей тёмной утробы. Стена ельника резко расступилась, открыв взгляду широкую, унылую ложбину, над которой нависало низкое, набухшее влагой свинцовое небо. На дне этой ложбины, прижавшись к изгибу узкой, закованной в первый лёд речушки, лежала деревня Низовка.

Роман подался вперёд, вглядываясь сквозь мутное стекло.

Если это место и можно было назвать населённым пунктом, то лишь по инерции. Гусев не преувеличивал. Низовка выглядела как декорация к фильму о конце света. Половина изб смотрела на мир заколоченными, потемневшими от времени крест-накрест досками, напоминая слепые, мёртвые бельма. Дома просели, ушли нижними венцами глубоко во влажную, податливую землю, подмяв под себя покосившиеся, густо поросшие сизым мхом заборы. Дворы заросли высокой, уже почерневшей от заморозков крапивой. Нигде не было видно ни дыма

из труб, ни бродячих собак, ни бегающих по улице детей. Лишь кое-где на брошенных огородах торчали гниющие стебли подсолнухов, похожие издали на согнутые в скорбном поклоне человеческие фигуры.

Густой, холодный туман плотными клочьями стелился по земле, скрывая фундаменты домов, отчего казалось, что гнилые избы плывут по мутной, серой реке.

Но не мёртвые дома привлекли внимание Романа.

В самом центре деревни, на высоком, неестественно ровном холме, доминируя над всей округой, возвышалась церковь.

Хмуров бросил на неё лишь один короткий взгляд — и внутри у него что-то привычно, до тошноты больно сжалось. Дыхание на секунду перехватило. Старый, монструозный каменный храм из тёмно-красного кирпича с обвалившимся главным куполом и покачнувшимся, обезглавленным крестом смотрелся среди этого деревенского тлена гигантским, умирающим ящером, бросившим якорь в океане распада.

Окна второго яруса зияли чёрными, пустыми провалами. Главные ворота были наглухо заколочены массивными почерневшими щитами. Внизу, у самого подножия холма, поросшего цепким кустарником, историческая кладка казалась почти чёрной, насквозь пропитанной многовековой сыростью и плесенью. Храм давил своим присутствием. Он словно высасывал остатки жизни из и без того умирающей деревни.

«Она похожа...» — мелькнула в голове непрощеная, ядовитая мысль.

Эта мысль была привычной, как старая, ноющая боль в плохо сросшемся переломе. Всякий раз, когда Хмуров въезжал по долгу службы в подобную глушь и видел перед собой старые, заброшенные православные часовни, перед глазами вставал один и тот же безжалостный образ, который он тщетно пытался утопить в работе.

Конец августа. Ему четырнадцать. Густой, парной туман стелется над тёплой рекой у бабушкиной деревни. Испуганное, перемазанное черникой личико его девятилетней сестры Веры. Её тонкие плечи, вздрагивающие от беззвучного плача. И старая каменная часовня на краю леса, чьи кирпичи в сумерках казались пропитанными кровью.

«Рома, не уходи, там кто-то стучит снизу. Меня кто-то зовёт...» — звенящий, срывающийся голосок сестры вновь прозвучал в его голове так чётко, словно она сидела сейчас на заднем сиденье УАЗа.

Тогда он отмахнулся. Разозлился на её девчоночьи фантазии. Развернулся и ушёл домой один. А утром выяснилось, что Вера не вернулась. Её искали неделю. Прочёсывали лес, багрили реку, спускались с фонарями в подвалы часовни. Ничего. Ни ленточки, ни сандалика. Она просто растворилась в тумане, оставив Роману пожизненный приговор — чувство всепоглощающей, разъедающей душу вины, которую невозможно искупить.

Прошло двадцать четыре года. Он вырос, стал старшим следователем, профессионалом, который привык верить только в факты, отпечатки пальцев и траектории полета пуль. Он отправил за решётку десятки убийц. Но сейчас, глядя на тёмную громаду Покровской церкви в Низовке, он вновь почувствовал тот самый запах — причудливую смесь мокрого камня, прелой листвы и застоявшейся вековой пыли.

Роман с силой потёр переносицу длинными пальцами, отгоняя наваждение, глубоко вдохнул спертый воздух кабины и заставил себя стать тем, кем он был — машиной для расследования.

— Что за церковь? — голос его прозвучал неожиданно хрипло. Он прочистил горло. — Давно заброшена?

Гусев, заметив странную перемену в лице следователя, заговорил торопливо, явно желая заполнить гнетущую тишину:

— Покровская. Постройки ещё века девятнадцатого, а местные старики брешут, что и раньше на этом месте деревянная стояла, сгорела дотла. Дурное место, Роман Сергеевич. При

советах там склад был райпотребсоюза, потом зернохранилище оборудовали. А в семьдесят восьмом там пожар странный случился. Зерно сгорело, сторож пропал. С тех пор так и стоит брошенная. Крыша провалилась. Никто туда не ходит.

— Опасность обрушения? — деловито уточнил Хмуров, окончательно беря себя в руки.

— Да если бы только это... — участковый нервно сглотнул, сбавляя скорость перед въездом на единственную улицу деревни. Колеса тяжело зашлепали по глубоким, заполненным ледяной водой лужам. — Говорят, там под фундаментом катакомбы старые. И кладбище внизу, подвальное. Низовку у нас в районе вообще стороной обходить стараются. Местные тут замкнутые, варятся в собственном соку. Чужих на дух не переносят. А уж после того, что с Егором произошло... они вообще как волки ошестинились. Всю ночь мне по радиации мозги делали, чтоб я вас не привозил, чтоб дали им самим его схоронить.

— Не дали, значит, — констатировал Роман.

— Я им по уставу объяснил: криминальный труп, без судмедэкспертизы нельзя! — Гусев попытался придать голосу твёрдость, но вышло жалко. — Тело пока в сарае при сельсовете положили, на леднике. На морозе-то с ним ничего не делается. Насчёт ночлега я со старостой с утра договорился. Бывший фельдшерский пункт вам отвели. Там печка исправная, дрова наколоты. Удобства, правда, во дворе...

— Переживу, — отрезал Хмуров. Взгляд его снова стал холодным, цепким, сканирующим пространство.

Они медленно ехали по главной улице. Деревня казалась вымершей, но Роман спиной, затылком чувствовал на себе тяжелые взгляды, бьющие из щелей задернутых занавесок, из-за щелей в глухих заборах. Низовка наблюдала за ними. Враждебно. Настороженно.

«УАЗ» с натужным воем преодолел последний небольшой подъём и затормозил у длинного, приземистого одноэтажного сруба, который выглядел чуть лучше остальных зданий. Над облупившейся синей дверью криво висела выцветшая табличка «Сельская администрация».

Рядом со зданием, под мелким, непрекращающимся дождём, уже стояла толпа.

Их было человек пятнадцать. В основном мужчины, но позади виднелось и несколько женских лиц в тёмных платках. Они не переговаривались между собой, не курили, не переминались с ноги на ногу. Они просто стояли, вжав головы в плечи, одетые в тяжёлые стёганные ватники, грязно-серые овчинные тулупы, полинявшие штормовки и безразмерные резиновые сапоги, измазанные в глине.

Когда милицейская машина заглушила двигатель, все они, как по невидимой команде, повернули головы и уставились на лобовое стекло.

В этих взглядах не было ни естественного человеческого любопытства, ни мольбы о помощи, ни ожидания правосудия. Роман безошибочно считал эту атмосферу, сгустившуюся во дворе. Это была глухая, первобытная, злая настороженность общины, чью территорию посмел нарушить чужак. Они смотрели на Хмурова не как на представителя закона, а как на ненужную помеху. Как на источник новых бед.

Роман не стал ждать, пока Гусев выйдет и откроет ему дверь. Он резко толкнул тугую дверцу и тяжело вылез из кабины, сразу же утонув ботинками по щиколотку в ледяной грязи.

Холодный, влажный воздух немедленно забрался под расстегнутое пальто, обжёг лёгкие сыростью и запахом дыма. Следовательно привычным, почти автоматическим жестом поднял воротник, достал из внутреннего кармана потертую кожаную папку с бланками процессуальных документов и с силой захлопнул дверь машины. Металлический лязг гулко разнесся над площадью, но никто в толпе даже не вздрогнул.

Гусев выскочил следом, суетливо поправляя фуражку и явно стараясь держаться поближе к широкой спине Хмурова.

Следовательно сделал несколько медленных шагов навстречу толпе и остановился, засунув свободную руку в карман пальто. Он окинул местных тяжелым, немигающим взглядом. Игра в

гляделки началась. В таких ситуациях главное — не отводить глаза первым. Тот, кто моргнёт, тот, кто начнёт извиняться за свой приезд или суетиться — проиграл.

Тишина затягивалась. Было слышно только, как тихо шумит ветер в вершинах дальних сосен и как капли дождя стучат по брезентовому тенту УАЗа.

Наконец, от толпы отделился высокий, сутулый, но необычайно широкоплечий мужчина лет пятидесяти. У него были густые, прокуренные до желтизны усы, тяжелая, рубленая челюсть и глубоко посаженные, колючие глаза под кустистыми бровями. На нём была надета безрукавка из волчьей шкуры поверх засаленного шерстяного свитера крупной вязки.

Это был местный староста — Степан Трофимов. Негласный хозяин Низовки.

Трофимов шагнул вперёд, тяжело ступая сапогами, остановился в двух метрах от Романа и, не здороваясь, не называя себя, прогудел:

— Долго ехали, начальники.

Голос у него был плотный, глухой, словно набитый паклей. Он смотрел на Хмурова исподлобья, чуть наклонив голову, как бык перед броском.

— Дорога дрянь, — так же ровно, без эмоций ответил Роман, не меняя позы. — Старший следователь Хмуров, областное управление. Вы Степан Григорьевич Трофимов?

— Я, — староста медленно, с демонстративным пренебрежением сплюнул под ноги, в сухую грязь, и только потом вытер усы тыльной стороной огромной, узловатой ладони. — Зачем пожаловали, следователь Хмуров? Сказано же было Гусеву по рации: сами разберёмся. Нечего тут городским делать. Не ваша это забота. У нас тут свои законы.

В толпе позади него послышался неясный, одобрительный гул. Мужики придвинулись чуть ближе. Воздух между ними и следователем стал плотным, электрическим. Гусев за спиной Романа нервно кашлянул.

— Закон на территории области один, Степан Григорьевич, — голос Романа лязгнул металлом. Он не повысил тон ни на полтона, но слова упали тяжело, как свинцовые гири. — И Уголовный кодекс тоже один. В вашей деревне найден труп с признаками насильственной смерти. Моя забота — зафиксировать место преступления, осмотреть тело и найти того, кто это сделал. А ваша забота — не препятствовать следствию.

Трофимов скрипнул зубами. Его маленькие глазки сузились.

— Да не человек его убил, пойми ты, городская твоя голова! — вдруг с надрывом, почти со злобой выкрикнул кто-то из толпы. Это был невысокий, сгорбленный мужичонка в рваной телогрейке. — Лес его забрал! Или те, кто под холмом сидит! Нечего вам тут вынюхивать! Вы уедете, а нам тут жить!

Роман перевёл ледяной взгляд на кричавшего, и тот мгновенно осекся, спрятавшись за спины товарищей.

Следователь снова посмотрел на старосту. Взгляд Хмурова был абсолютно спокоен. Он не верил в нечисть. Он верил в человеческую жестокость, жадность и страх. И сейчас перед ним стояли до смерти напуганные люди, которые пытались прикрыть свой страх агрессией.

— Значит так, — произнёс Роман, чеканя каждое слово. — Мне плевать на ваши местные байки. Лес людям грудные клетки не ломает. И мертвецы из-под земли не выходят. Если кто-то из вас думает, что может скрыть убийство под видом мистики, он сильно ошибается. Если вы попытаетесь саботировать следствие, я вызову сюда группу захвата из района. Я перекрою Низовку так, что отсюда ни одна душа не выйдет, пока мы не прочедем каждый дом и каждый подвал. Вы меня хорошо поняли?

Староста тяжело засопел. Под грубой, обветренной кожей на его скулах заходили желваки. Несколько долгих секунд они смотрели друг другу в глаза, ведя безмолвную борьбу. Трофимов пытался задавить авторитетом, массой, фактом того, что они на его территории. Хмуров же просто стоял, олицетворяя собой неумолимую, бездушную систему, которую невозможно было запугать вилами или местными легендами.

Наконец, Трофимов отвел взгляд первым. Он снова сплюнул, на этот раз в сторону, глухо рыкнул что-то себе под нос и, круто развернувшись, обратился к мужикам:

— Расходитесь по избам. Нечего тут глазеть. Баб заберите.

Толпа, неохотно переговариваясь, начала медленно распадаться. Люди расходились, как тени, растворяясь в сером тумане, но Роман знал, что наблюдать за ним из-за заборов они не перестанут.

Староста повернулся к Хмурову. Лицо его было серым, непроницаемым.

— Ваша взяла, начальник. Осматривайте, раз так неймётся. Только потом не жалуйтесь, если спать по ночам перестанете.

— Переживу, — повторил Роман свою дежурную фразу. — Где тело?

Трофимов молча поднял руку и указал длинным, кривым пальцем в сторону заднего двора администрации. Туда, где за пеленой морящего дождя виднелся низкий, вросший в землю сруб без единого окна, с тяжёлой дубовой дверью. Бывший ледник.

— Там ваш Егор, — глухо сказал староста и пошел прочь, не оглядываясь.

Роман крепче перехватил кожаную папку, кивнул Гусеву, который всё ещё стоял ни жив ни мёртв, и зашагал по чавкающей грязи к чёрной двери сарая. Ветер усилился, принося с холма, от заброшенной церкви, горьковатый, ледяной запах тлена. Работа начиналась. И Хмуров был готов ко всему, кроме того, что ждало его за этой деревянной дверью.

Глава 2. Убийство без оружия

Дубовая дверь бывшего ледника открывалась с трудом, будто за ночь к ней прирос сам мороз.

Роман помог себе плечом, потом отступил на полшага, давая глазам привыкнуть к полумраку. Изнутри пахло сразу несколькими вещами — старой мокрой древесиной, железной ржавчиной, кислой капустной гнилью, ледяной сыростью и тем особым, почти сладковатым запахом крови, который не выветривается даже на морозе. Запах этот будто въелся в стены, в половицы, в сам воздух, и оттого место казалось не просто холодным, а каким-то застывшим во времени.

У низкого сруба внутри было одно единственное окно под самым потолком, узкая щель, затянутая мутным льдом и грязью. Свет через неё проходил неохотно, серой полосой, и падал на грубо сколоченный настил, на перевёрнутые ящики, на ржавый крюк под балкой и на то, что лежало посреди помещения.

Тело.

Роман вошёл не сразу. Сначала он остановился на пороге и несколько секунд молча рассматривал сцену, впитывая каждую деталь так, как привык это делать всегда — без суеты, без театральности, словно перед ним был не покойник, а сложная, требующая расшифровки схема.

Егор лежал на спине, чуть боком, будто в последние минуты пытался перевернуться, но уже не успел. На нём была тёмная ватная куртка, распахнутая на груди, и шерстяная рубаша под ней, сбившаяся вверх. Брюки на коленях и бёдрах покрывала засохшая грязь. Ноги — в облезлых валенках с приставшими комьями земли. Лицо серое, с синюшными губами и провалившимися щеками; взгляд, даже у мёртвого, оставался широко распахнутым, застывшим в выражении такого тупого, животного ужаса, что Роман невольно задержал на нём взгляд дольше, чем следовало.

Сбоку, в углу у стены, на табурете сидела бледная женщина в сером платке — местная фельдшерша, как успел шепнуть Гусев. Она держала в руках какую-то тряпицу и, кажется, давно уже забыла, зачем она ей нужна. Руки у неё дрожали мелкой дрожью. Видимо, она пыталась закрыть покойнику лицо, но так и не решилась.

Возле стены, сложив руки на груди, стояли ещё двое мужчин — один низенький, с красным лбом и воспалёнными глазами, другой высокий, с костлявым лицом и непослушной щетиной. Оба старались смотреть куда угодно, только не на тело.

Трофимов находился у дальнего конца помещения, под балкой. Он стоял так, будто и здесь оставался хозяином положения, только с каждым мгновением в его позе проступало всё больше нервной неподвижности. Роман сразу заметил: староста не смотрит на труп — он смотрит на следователя, отслеживает его реакцию. Не зря.

— Никто не трогал? — сухо спросил Роман, входя внутрь.

— Как сказали, так и не трогали, — буркнул Трофимов. — Разве что коли совсем по-человечески — покрывало поправили да свечку поставили.

— Где свечка?

— Вон.

Староста мотнул подбородком в сторону ящика у стены. На крышке действительно стоял короткий огарок церковной свечи, уже наполовину стаявший. Рядом лежала спичечная коробка с выцветшим изображением какой-то старой рекламы, но на обратной стороне кто-то аккуратно, почти благоговейно, вывел карандашом маленький знак — крест с наклонной перекладиной и кружком у основания. Роман машинально запомнил и это.

Он подошёл ближе к телу, присел на корточки, не снимая перчаток. Отсюда было видно больше.

Первое, что бросалось в глаза, — грудная клетка. Она была не просто повреждена, а как будто продавлена изнутри или снаружи с чудовищной силой. Между левыми рёбрами — две рваные, почти симметричные дырки, края которых были не порезаны, а разорваны, словно кожу не резали ножом, а раздвигали с силой узкие, острые, не предназначенные для человека клыки. Ниже, чуть в стороне, ещё одна глубокая колотая рана, но не в форме обычного прокола. Она имела рваный, неправильный контур, будто кожа и мышцы были захвачены и проташнены внутрь. Под воротом рубахи виднелись тёмные потёки засохшей крови, но крови было слишком мало для такого ранения.

Роман осторожно приподнял край куртки и рубахи. Кожа на груди у погибшего была холодной, восковой, как у давно лежащего тела, хотя, судя по температуре в помещении, умер Егор сравнительно недавно. В области рёбер выступали тёмные синяки, почти чёрные, но не сплошные, а в виде отпечатков — будто кто-то давил пальцами с невероятной силой. Ниже, на ключице, он увидел ещё одну странность: два небольших, почти ровных прокола, расположенных рядом, как след от зубов.

Роман не сразу коснулся этих мест. Сначала молча смотрел, сощурившись, потом всё же наклонился ближе.

— Кто первый обнаружил? — спросил он, не поднимая головы.

— Я, — откликнулся низенький мужик у стены. Голос у него дрогнул. — Под утро. Я к сараю пошёл, а он там... ну... лежит. На снегу. Сначала подумал, пьян. Потом понял... не дышит.

— Во дворе лежал?

— Не во дворе. У сарая. У задней стены. На чём-то чёрном... на тряпке. Или на рясе, не разобрал.

Роман поднял взгляд.

— На рясе?

Мужик сглотнул.

— Не моя мысль, я просто сказал. Тёмное что-то было. А потом его уж сюда перенесли, в ледник. Староста сказал — пока милиция не приедет, трогать нельзя, чтоб не растащили.

— Что значит «перенесли»? Кто?

— Да мы... — мужчина замолчал и скосил глаза на Трофимова. — Сначала-то он у ворот лежал. Потом приказали.

— Кто приказал?

Тишина.

Роман выпрямился, обвёл присутствующих взглядом и понял, что все трое местных мужчины уклоняются от прямого ответа не потому, что боятся следствия, а потому что боятся чего-то иного, гораздо более древнего и зримого для них. Не закона. Не протокола. Чего-то, что они уже однажды решили назвать не своим именем.

Он достал фонарь и осветил грудь покойника внимательнее. Под лучом стали видны тонкие царапины вокруг ран — не хаотичные, а дугообразные, словно от когтей или острого, узкого предмета с двумя краями. На коже возле горла обнаружился тёмный отпечаток, похожий на след пальцев. Но пальцев было не пять. Линия обхватывала шею неровно, как если бы схватили не рукой, а чем-то заострённым и скрюченным.

Роман поднял голову.

— Судмедэксперт в дороге? — спросил он у Гусева.

— Я звонил, — торопливо ответил тот, стоя у двери, будто опасаясь ступить дальше. — Сказали, машина из района выехала. Но дорога... сами видите. Если доедут к вечеру, уже хорошо.

— Фотографировали?

— Я... — Гусев сглотнул. — Я успел. До того как вы приехали. На телефон.

Роман протянул руку.

— Дайте.

Участковый суетливо достал старый аппарат, на котором экран был залит трещиной, и передал. Роман пролистал фотографии быстро, без комментариев. Труп лежал на снегу у стенки сарая; рядом тянулась цепочка следов — рваных, как от тяжёлых ботинок, перемежающихся странными, почти волочащимися отпечатками. На одной из фотографий под самым телом угадывалась полоска чего-то светлого. На другой — тот самый знак, уже увиденный им на спичечной коробке. Символ был выведен мелом на доске ворот. Не крест, не руна, не церковная печать в привычном смысле. Что-то среднее, нарочито грубое, как детская попытка изобразить религиозный знак по памяти.

Роман перевёл взгляд на старосту.

— Кто рисовал этот знак?

Трофимов не сразу ответил. Он напрягся, как будто вопрос был адресован не ему, а кому-то за его спиной.

— Никаких знаков никто не рисовал, — сказал он наконец. — Это, может, с церкви ветер сорвал. Или кто балуется.

— Символ был и на коробке, и на воротах, и рядом с телом. Это не ветер.

— Да говорю же, баловство.

— Чьё?

— Откуда мне знать? — резко ответил староста, но тут же осёкся. Слишком резко. — Местные... шутят иногда. Молодёжь, если залетная какая есть.

Молодёжь, как Роман уже понял, в Низовке если и была, то в количестве двух-трёх человек, и к этой категории никто из присутствующих явно не относился.

Он поднялся, медленно расправляя плечи. Вспомнил вдруг собственную сестру, Веру, и то, как в детстве она любила рисовать мелом на кирпичах кривые значки, которые называла «дверками». Тогда ему это казалось глупостью. Сейчас в каждом подобном следе он видел не шалость, а попытку обозначить границу между миром и чем-то, что по ту сторону этой границы было страшнее человека.

— Разденьте покойного, — сказал он.

Фельдшерша вскинулась.

— Как? Здесь?

— Здесь. Мне нужно осмотреть всё тело. Перчатки не трогайте.

Женщина побледнела ещё сильнее, но кивнула.

— Я... я могу.

Роман отошёл на шаг, давая ей пространство. Она дрожащими руками расстегнула куртку, потом рубаху. Под одеждой на теле обнаружилось ещё больше странностей. На животе — длинная полоса красно-фиолетового цвета, будто туда вдавили нечто широкое и тёплое. На правом боку — след, напоминающий укусы, только зубы, если они были, не походили на человеческие. Слишком широко стояли проколы, слишком глубоко уходили в плоть. На запястьях — давние ссадины от верёвок или ремня. На левом предплечье — старый, уже белёсый шрам от пореза, оставшийся, похоже, много лет назад.

Роман задержал взгляд на шраме.

— Старый? — спросил он.

— Егор всю жизнь на лесоповале, — ответил один из мужиков. — Чего у него только не было.

— Это не от лесоповала.

Мужик дернул плечом и отвернулся.

Следователь наклонился ниже и осторожно, двумя пальцами, приподнял подбородок покойника. На шее, прямо под челюстью, был ещё один след — не разрыв, а два глубоких

круглых прокола, окружённых синеватым ободком. Кровь вокруг уже подсохла, но и здесь её было совсем немного. Роман поймал себя на том, что мысленно сравнивает расстояние между проколами с расстоянием между клыками крупного зверя. Получалось слишком широко для волка. Слишком ровно для рыси. И слишком аккуратно для собаки, которая в драке рвёт мясо иначе, рвано и беспорядочно.

— Вдова есть? — спросил он.

— Какая вдова, — хрипло буркнул Трофимов. — Не женат был Егор.

— Родня?

— Брат в соседнем районе. Мать сторела лет пять назад. Отца не помню уже, когда хоронить пришлось.

Роман кивнул, хотя мысли его были уже далеко от простого убийства. Мало крови. Странные симметричные раны. Укусы. Следы ритуального знака. Перемещение тела. И главное — страх. Слишком плотный, чтобы объяснить его одним только криминалом. Люди в подобных деревнях быстро учатся лгать, но ещё быстрее они учатся бояться того, о чём нельзя говорить вслух.

— Кого Егор мог знать в церкви? — спросил он.

На этот раз молчание стало почти осязаемым.

Фельдшерша опустила глаза. Мужики у стены переглянулись. Участковый Гусев нервно кашлянул и машинально переступил с ноги на ногу. Трофимов сжал челюсти.

— Никого, — сказал староста. — Церковь пустая.

— Пустая? — Роман кивнул на свечу, на знак, на свечной воск на крышке ящика. — Тогда кто сюда свечи ставит?

— Да мало ли. Бабки ходят. Молятся.

— Кому?

— Господу.

— Вы мне сейчас не про Господа рассказывайте, Степан Григорьевич, — ровно произнёс Роман. — Вы мне про покойного расскажите. Вчера вечером он где был?

— Дома.

— Кто видел?

— Жена не жена, братовья не братовья... — Трофимов раздражённо махнул рукой. — Не знаю я. Спрашивайте у людей.

Роман выдержал паузу.

— Хорошо. Спрашиваю у людей. Кто видел Егора вчера вечером?

Никто не ответил.

Он посмотрел на Гусева.

— Участковый, вы когда в последний раз общались с потерпевшим?

Гусев растерянно заморгал.

— С Егором? Да... позавчера. Он на крыльце у сельсовета стоял. Спрашивал, когда дрова подвозить будут в дом престарелых. Я ещё подумал, что он какой-то... нервный был.

— В чём это выразилось?

— Да всё оглядывался. И руки у него... тряслись. Сказал, что ночью кто-то ходит возле ограды. Ну я, честно, решил — выпивает.

— Он был пьян?

— Не знаю. Пахло от него не водкой, а... — участковый замялся, поскреб пальцем под фуражкой. — Не знаю как сказать. Как из погреба. Сыростью. И ещё чем-то... церковным, что ли.

Роман поднял бровь.

— Что значит «церковным»?

— Да вы сами сюда приехали, — вдруг вырвалось у Гусева, и он тут же испуганно съёжился. — Здесь у нас у всех, кто к церкви близко ходит, такой запах. Не знаю. Старые доски, свечи, ладан... может, показалось.

Роман ничего не ответил. Он снова наклонился к труп. Между пальцами правой руки Егору что-то застряло. Следователь осторожно разжал окоченевшие пальцы и увидел несколько крошек тёмно-красного кирпича, пару влажных крупинки земли и тонкую золотистую нить, зацепившуюся за кожу. Нить была не шерстяной, а, скорее, от иконного оклада или церковной ткани.

Он поднял взгляд на фельдшершу.

— У вас есть чистый пакет?

— Есть, — пискнула та и полезла в сумку.

Роман бережно собрал находки, запечатал их, подписал на скорую руку и сунул в папку.

Потом снова осмотрел место вокруг тела. Под ногтями старых досок, на полу ледника, он заметил тонкую дорожку засохшей грязи, ведущую к порогу. Там же, у стены, лежал сбитый в комок платок, в котором застряли клочки чёрной ткани. Не куртка. Не рубаха. Что-то плотное, похожее на покрывало или рясу.

— Этот платок чей? — спросил он.

Фельдшерша опустила глаза ещё ниже.

— Не знаю.

— Не врать, — тихо сказал Роман.

Женщина вздрогнула.

— Да не мой... Матушки, может. Из церкви.

— Какой матушки?

Она осеклась и посмотрела на Трофимова, будто заранее пожалела о сказанном.

Староста мгновенно изменился в лице.

— Не трогайте лишнего, следовательно, — резко сказал он. — Церковное — не ваше дело.

— Пока всё, что здесь есть, — моё дело.

— Не всё, — хмуро возразил Трофимов. — Вы сейчас труп посмотрите, бумажки свои запишите и уедете. А дальше уж мы сами разберёмся.

Роман выпрямился. Его взгляд стал ещё холоднее.

— Вы уже «разобрались». У вас труп с разорванной грудью и символами на воротах. Это и есть результат вашего «сами».

Трофимов сделал шаг вперёд, и на мгновение казалось, что он вот-вот вцепится следователю в ворот пальто. Но Роман даже не шелохнулся. Смотрел на него спокойно, не моргая, и этим спокойствием как будто отодвигал старосту назад.

— Вы сейчас хотите что-то скрыть, — негромко сказал он. — И я пока не знаю что. Но, поверьте, если вы мне врёт, это закончится очень плохо.

— Пустая угроза, — процедил староста.

— Нет. Это не угроза. Это констатация.

Они молчали несколько секунд. Потом Трофимов отвернулся первым, тяжело дыша через нос.

Роман понял: давить сейчас бессмысленно. Не потому, что они крепкие, а потому что уже сломаны чем-то, что он пока не видит. И именно это его особенно раздражало. Самое неприятное в подобных делах — когда подозреваемые ведут себя не как преступники, а как заложники, которым страшно назвать настоящего хозяина страха.

Он снова опустился возле тела и ещё раз проверил горло. Под челюстью, за ухом, был маленький рваный ободок кожи, словно там вырвали кусок мяса не ножом, а стиснутыми зубами. Роман наклонился ближе и уловил странный запах. Не обычный трупный, не сладкий

запах разложения, а что-то иное — пряное, горьковатое, будто кровь смешали с ладаном и мокрым камнем.

— Гусев, — сказал он, не оборачиваясь, — где нашли тело сначала?

— У задней стены сарая, как сказали.

— Прямо у сарая?

— Да.

— Следы оттуда к церкви есть?

Участковый замер.

— Не видел.

— Не видели или нет?

— Не... — он замаялся. — Я не присматривался, если честно.

Роман поднялся.

— Присматривайтесь лучше.

Он вышел из ледника первым. Снаружи морось стала гуще. Низкое небо, казалось, легло на деревню совсем низко, почти на крыши, и оттого всё вокруг приобрело вязкую, подтаявшую, безвоздушную серость. До заброшенной церкви на холме от сельсовета было метров триста, но в этом туманном пространстве она казалась ближе, чем следовало, словно стояла не на пригорке, а прямо внутри самой деревни.

Хмуров постоял под навесом несколько секунд, жадно вдыхая влажный воздух, потом обошёл задний двор администрации. Гусев и двое местных следовали за ним с заметной неохотой. Трофимов, наоборот, не отставал ни на шаг, но молчал.

Снегом это назвать было нельзя — здесь лежала тонкая, местами растаявшая корка первой изморози, под которой грязь сохраняла влажность. На дворе обнаружились следы. Одни — широкие, тяжёлые, мужские, от сапог, вероятно, местных, перенёсших тело. Другие — более узкие, как будто оставленные в спешке тем, кто тащил ношу по влажной земле. И ещё одна дорожка, почти неуловимая, ведущая от стены сарая к узкой тропке, которая терялась за покосившимся штaketником.

Роман присел, изучая отпечатки.

— Кто-то ходил сюда до вас ночью.

Трофимов промолчал.

— Следы одиночные, — продолжил Роман. — Идут от церкви. Возвращаются туда же.

— В наших местах ночью все ходят с оглядкой, — сухо сказал староста.

— Это не ответ.

— А что вам надо? Имя? Так я не смотрел на каждого, кто по грязи шлёпает.

Роман выпрямился и посмотрел на тропу, уходящую в сторону холма. Там, между голыми кустами и темными, подмёрзшими грядками, был замечен ещё один знак — уже не на дереве, а на земле. Крест, сделанный каблуком или палкой. Следователь наклонился, присмотрелся и увидел рядом вмятину, будто кто-то уронил небольшой металлический предмет.

Он достал фонарь, подсветил и увидел облезлую медную нательную иконку с погнутым ушком. На лицевой стороне едва угадывалось изображение святого, на обороте — всё тот же символ. Только здесь он был выцарапан глубже и грубее.

Роман поднял иконку двумя пальцами.

— Чья?

Фельдшерша за его спиной тихо охнула.

Трофимов мрачно уставился на предмет.

— Это не наше.

— Лжёте.

— А вы-то откуда знаете?

— Потому что знак один и тот же на коробке, у ворот и на земле. Кто-то специально оставляет его. Или кто-то хочет, чтобы это выглядело как обряд.

Староста напрягся.

— У нас в деревне никаких обрядов нет.

— Тогда откуда церковный знак?

Трофимов сжал кулаки.

— Это к церкви вашей вопросы, следовательно.

Роман медленно перевёл взгляд на холм.

Покровская церковь высилась над деревней, словно переживший пожар остов гигантского животного. С холма несло сыростью и ветром. Сквозь проваленные окна второго яруса чернело пустое нутро, и почему-то именно в этот момент Хмуров почувствовал, как по спине проходит холодная полоса узнавания. Не памяти — нет. Чего-то более неприятного. Ощущения, что когда-то он уже стоял в похожем месте и слышал под ногами глухой, терпеливый стук, словно снизу кто-то просил впустить его наружу.

Он резко сжал иконку в перчатке.

— Кто живёт при церкви? — спросил он.

Староста промолчал.

— Я задал вопрос.

— Никто там не живёт.

— Не врать.

Трофимов натянуто усмехнулся.

— Ну, раз вы всё равно туда пойдёте... там одна старая баба. Матушка Марфа. Слепая почти. Она по храму смотрит. Курица, кошка, свечки — всё её.

Роман чуть заметно прищурился.

— Официально она кто?

— Да никто. Так, прижилась.

— Фамилия?

— Не помню.

— Не помните? — в голосе следователя возник металл. — Или скрываете?

Трофимов зло дёрнул щекой.

— Её у нас все так и зовут — матушка Марфа. И хватит уже.

Роман помолчал, потом аккуратно положил иконку в пакет.

— Почему про неё сразу не сказали?

Староста отвёл глаза.

— А потому что не ваше это.

— Уже моё.

Откуда-то сзади, из-за стены администрации, донёсся тонкий, почти незаметный звук. Будто скрипнула старая дверь. Все разом обернулись. Но там никого не было.

Лишь туман, липнувший к доскам. И холм. И церковь, смотрящая пустыми окнами вниз, как тёмный слепой свидетель.

Роман не двинулся, только перевёл взгляд обратно на следы.

— Егор был там ночью? — спросил он тихо.

Никто не ответил.

— Я спрашиваю в последний раз, — так же спокойно сказал он. — Он поднимался к церкви?

Фельдшерша перекрестилась.

— Не надо, — прошептала она. — Не спрашивайте так.

— Почему?

Женщина посмотрела на Трофимова, потом на церковь и снова на Романа, будто выбирая, какой страх страшнее.

— Потому что, если он туда ходил, — прошептала она, — значит, уже не он ходил.

В наступившей тишине даже капли дождя, казалось, звучали иначе.

Роман медленно повернул голову к ней.

— Объясните.

Она судорожно покачала головой.

— Нет... я не могу.

— Почему?

— Потому что... — она сглотнула. — Потому что у холма есть свой хозяин.

Трофимов рванулся к ней, резко.

— Дура! Закрой рот!

Но Роман уже шагнул вперёд и остановил старосту одним движением руки, не прикасаясь.

— Не смейте её затыкать.

Трофимов тяжело дышал, глаза у него налились кровью.

— Вы ничего не понимаете, — проговорил он сквозь зубы. — Вам сказали: труп, следы, церковь. Вот и занимайтесь трупом. А остальное вас не касается.

— Касается всё, что связано с убийством.

— Это не убийство.

Роман не сразу ответил. Просто посмотрел на него. Долго. Взвешенно. Потом тихо спросил:

— Тогда что это?

Староста будто окаменел. Наконец, сдавленным голосом произнёс:

— Это расплата.

Слово повисло в сыром воздухе, тяжёлое, как мокрый мешок.

Роман ничего не сказал. Он только отметил про себя, что лицо у Трофимова в этот миг было не злым, не упрямым, а по-настоящему испуганным. Испуг этот был старым, вьёвшимся, как плесень в брёвна. Так бояться не полиции — так бояться того, что когда-то уже приходило и что, по сути, вернулось снова.

Следователь повернулся к Гусеву.

— Дорога к церкви проезжая?

Участковый сглотнул.

— Тропа есть. За кладбищем. Но сейчас размыло всё, там грязь по колено.

— Отлично. Пойдём пешком.

— Сейчас? — Гусев побледнел. — Может, лучше с утра? Пока светло, группа из района...

— Сейчас, — отрезал Роман.

Трофимов шагнул ближе.

— Я не советую туда ходить без Марфы.

— Почему?

Староста не ответил. Вместо этого на его лице проступило выражение, которого Роман уже давно не видел у людей: смесь ненависти и обречённости. Как будто он сам понимал, что все эти годы жил возле чего-то запертого, а теперь замок начал трескаться.

Роман быстро осмотрел двор ещё раз. В углу, у полуразвалившегося забора, он заметил маленькую кучку земли, свежей, тёмной, как из-под подвала. Рядом валялась оборванная тесёмка — церковная, выцветшая, зелёная, с потускневшей нитью. Он поднял и её.

— Это откуда?

— Откуда нам знать, — пробормотал кто-то из мужиков.

Роман кивнул, словно принял ответ, хотя на самом деле уже выстраивал внутри цепочку: Егор приходил сюда не просто так. Его тянуло к церкви. Или кто-то привёл его сюда. Он был напуган. На теле — странные укусы и следы давления. На земле — церковный знак. В кармане — медная икона. И никто, абсолютно никто в этой деревне не хочет произносить вслух имя женщины при храме.

— Где покойный жил? — спросил он.

— У брата на окраине, — ответил Гусев.

— Ведите.

Трофимов хотел что-то возразить, но Роман уже шагнул мимо него. Староста только тяжело вздохнул и сплюнул в грязь.

Дом, где жил Егор, стоял ближе к лесу — на краю той самой деревни, где последние избы уже почти уступали место чёрным, мокрым кустам и пустырям. По дороге Роман ловил на себе чужие взгляды из-за штор, из-за заборов, из-за неплотно прикрытых ставней. Люди здесь не выходили на улицу без нужды, но из каждого проёма чувствовалось напряжённое, выжидающее присутствие.

Дом был невелик, бревенчатый, с просевшей крышей и подгнившим крыльцом. Возле него стояла старая собака, привязанная к колу. Она не лаяла, только тихо, почти по-человечески скулила, когда Роман приблизился.

Брат покойного, худой, жилистый мужчина лет сорока пяти, встретил их на пороге с лицом невыспавшегося человека. На вопрос о ночи он сначала отвечал уклончиво, потом вдруг разозлился, а затем — и это было важнее всего — стал говорить слишком быстро, как человек, который боится, что его прервут.

— Егор пришёл поздно, — сказал он, потирая воспалённые глаза. — Часов в десять, может, в одиннадцать. Нервный был. Ничего не ел. Сел у стола, воды попросил. Потом вдруг стал собираться. Сказал, что надо идти. Я спросил — куда. Он не ответил.

— Куда вышел?

— В сторону кладбища.

— Один?

Мужчина замолчал.

— Не один? — спросил Роман.

Тот отвёл взгляд.

— Я не видел второго. Но он был не сам. Он всё время оглядывался. И шептал что-то.

— Что именно?

— Не разобрал. Словно молился.

— Вы слышали церковный звон? Пение? Шаги?

Брат покойного сглотнул.

— Нет. Только, когда он ушёл, в лесу будто кто-то ответил. Не голосом. А... — он почесал шею, не находя слов. — Как будто доска ударилась о доску. Или камень по камню.

Роман отметил это без комментариев.

— У Егора были конфликты? Долги? Враги?

— У нас тут у всех враги, — горько усмехнулся мужчина, но почти сразу побледнел, будто сказал лишнее. — Простите.

— Конкретно у него?

— Нет. Он тихий был. Замкнутый. С тех пор как с работы ушёл, странный стал. Ночами не спал. Избегал людей.

— Почему ушёл?

— Не знаю. То ли здоровье, то ли... — он замолчал. — Да какая теперь разница.

Роман поймал этот обрывок фразы.

— С тех пор? Когда?

— Лет пять назад.

— И после этого к церкви ходил?

Мужчина вцепился пальцами в дверной косяк так, что побелели костяшки.

— Не надо туда.

— Что значит «не надо»?

— Ничего не значит, — быстро сказал он. — Просто... не надо.

Роман смотрел на него, не моргая, и в этот момент понял почти наверняка: покойный был не случайной жертвой. Он был частью чего-то, что в Низовке тянулось годами. И церковь в этой цепочке играла не декоративную, а ключевую роль.

Он оглядел комнату. На стене висела икона в потемневшем окладе. У печи — таз с водой. На столе — недоеденный хлеб, нож, пустой стакан. И ещё одна вещь: под образами, почти спрятанная за лампадой, стояла маленькая связка сухих трав, перевязанная той же зелёной тесёмкой, что и возле администрации. Не бытовая. Обрядовая.

Роман задержал взгляд на ней.

— Кто это повесил?

Брат покойного быстро перевёл глаза на иконный угол.

— Да так... бабка одна.

— Какая бабка?

— От церкви.

— Марфа?

Мужчина вздрогнул так, будто его ударили.

— Да.

Вот оно.

Роман чуть качнул головой, словно подтверждая собственную догадку.

— Она приходила сюда?

— Иногда.

— Зачем?

— За солью, водой... иногда Егор ей помогал.

— Помогал чем?

— Не знаю! — почти выкрикнул мужчина и тут же осёкся, испуганно глянув на дверь.
— Не знаю. Я говорю, она старая. Он ей дрова колот, дорожку чистил. Всё.

Роман ещё раз оглядел иконы, травы, тесёмку, потемневшие углы избы. Всё это было не просто деревенским укладом. Это было пространство, в котором вера давно перемешалась с выживанием, а вера, когда она становится способом выжить, очень быстро превращается в страх.

— Вы ничего мне не договариваете, — спокойно сказал он.

Мужчина нервно усмехнулся.

— А вы бы сказали? Если б знали?

Роман не ответил.

Потому что сам знал: не сказал бы. Не сразу. Сначала бы тоже посмотрел, кто спрашивает. Сначала бы оценил, можно ли доверять. И, возможно, только потом — если бы страх стал невыносимым — начал бы говорить.

На выходе он заметил в сених детскую игрушку — деревянную лошадку без одного глаза, старую, почти истёртую. И почему-то именно она вызвала у него острый, неприятный укол памяти. Не прямой, не ясный. Скорее ощущение чужого детства, которое было рядом когда-то и исчезло так же бесследно, как Вера.

Он вышел на крыльцо, вдохнул влажный воздух и несколько секунд стоял неподвижно. Издалека, с холма, снова донёсся тот же звук, что он слышал у администрации. Скрип? Нет.

Стук? Тоже нет. Скорее короткий, глухой удар, приглушённый расстоянием и землёй. Как если бы кто-то внутри каменного подвала осторожно, с упорством, бил кулаком в стену.

Роман поднял глаза на церковь.

В этот момент она показалась ему не заброшенной, а просто очень терпеливой.

— Следовательно, — тихо позвал Гусев, выскочив следом. — Может, правда не стоит сейчас туда? Стемнеет скоро.

— Именно поэтому и стоит.

Участковый побледнел.

— Там Марфа.

— Я уже понял.

— Она... она не любит чужих.

— Я тоже, — коротко ответил Роман.

Но сказал это машинально. Потому что смотрел уже не на участкового, а на узкую тропу, уходящую к кладбищу и дальше — к холму, где, в каменной туше старого храма, что-то явно ждало, пока к нему придут.

Он вернулся к машине, забрал из багажника сумку с перчатками, пакетами и камерой, потом ещё раз проверил документы. Всё, что нужно для начала, у него было. Почти всё. Не хватало только ответов.

Однако ответы в таких местах не лежали на поверхности. Их приходилось вырывать из почвы по одному, как сгнившие корни.

Роман обернулся к деревне. Низовка жила своей настороженной, больной жизнью: двери были закрыты, дым не поднимался из труб, люди прятались по домам, будто само слово «следователь» приносило сюда беду. И всё же это не они сейчас больше всего тревожили Хмурова.

Его тревожила церковь.

И не потому, что она была заброшена.

А потому, что он уже заранее знал: внутри есть что-то, чего местные боятся больше смерти.

Он застегнул пальто, сунул руки в карманы и, не оглядываясь, пошёл к холму.

За спиной хрустнула грязь. Потом ещё раз. Кто-то шёл следом — осторожно, не приближаясь слишком близко. Роман не стал оборачиваться. Он и так знал: это либо Гусев, либо кто-то из местных решил проверить, куда заведёт чужака его упрямство.

На полпути к кладбищу дорога стала уже совсем плохой. Земля подмёрзла только сверху, ниже она оставалась вязкой, тягучей, как холодное тесто. Пахло сыростью, прошлогодней листвой и дымом. Между покосившимися крестами, заросшими бурой травой, тянулись кривые тропки. Некоторые могильные плиты были наклонены, другие почти ушли в землю. Роман прошёл мимо свежей насыпи, где венки из дешёвых пластиковых цветов уже почернели от дождя.

И там, у дальнего края кладбища, он увидел ещё один знак.

На старом каменном столбике, почти стёртом временем, кто-то свежо процарапал тот же символ — крест с кривой перекалиной и кружком внизу. Рядом, на сырой глине, лежала маленькая щепка воска. Совсем рядом — словно здесь кто-то останавливался ненадолго, чтобы оставить метку и уйти.

Роман присел, провёл пальцем по царапине.

Свежая.

И не случайная.

Он выпрямился медленно, уже не сомневаясь.

Церковь не просто была местом, к которому вёл след.

Церковь была центром этого следа.

А если точнее — тем местом, откуда след начинался.

Он посмотрел вверх, на холм, где темнел кирпичный силуэт храма, и впервые за весь день почувствовал не только профессиональный интерес, но и то личное, знакомое до боли предчувствие, которое появлялось у него каждый раз перед настоящей пропастью.

Покойник с разорванной грудью был не концом, а первой строкой.

И кто бы ни оставлял эти знаки, он явно хотел, чтобы следователь пришёл сюда сам.

Роман сжал в кармане пакет с иконкой.

— Ну что ж, — тихо сказал он самому себе. — Поговорим.

И зашагал к церкви.

Глава 3. Старая церковь

Участковый Гусев остался внизу, у разошедшегося кладбищенского штакетника. Наотрез. — Я здесь на пригорке постою, Роман Сергеевич, — пробормотал он, нервно заталкивая руки в глубокие карманы форменной шинели и упрямо глядя в землю. — По рации из района дежурный должен выйти. Если что — я на связи.

Роман не стал его упрашивать. Надавить на участкового было легко, но от напуганного сотрудника на месте осмотра всё равно нет никакой пользы.

Следователь пошёл вверх по склону один.

Тропа к Покровской церкви давно заплыла мхом и подмёрзшей глиной. Шаг давался тяжело: подошвы городских ботинок скользили, под ногами трескали вмёрзшие в грязь сухие ветки шиповника и крошка старого кирпича. Чем выше поднимался Роман, тем ощутимее становился верховой ветер. Он не просто гулял между деревьями, а закручивался вокруг холма, принося с реки сырую ледяную морось, а со стороны самого храма — стойкий, тяжёлый запах золы, прелого камня и старого воска.

Вблизи Покровская церковь казалась подавляюще огромной. Тёмно-красный кирпич от времени, сырости и давнего пожара почернел, ставши похожим на запекшуюся кровь. Центральный купол провалился внутрь; сквозь рваные края проёма проглядывало серое, низкое свинцовое небо. Колокольня ощутимо накренилась в сторону оврага, а купольный крест висел на одном выгнутом железном пруте, готовый сорваться от любого порыва ветра.

Перед входом росли две старые липы с дуплистыми, искривлёнными стволами.

Роман остановился у ворот. Внимание следователя привлекли стволы деревьев: серая кора на высоте человеческого роста была испещрена насечками.

Он подошёл ближе, расстёгивая пальто, чтобы достать фонарь.

Зарубки были сделаны давно и недавно. Старые заплыли тёмной смолой, свежие белели сухой щепой. Это были не инициалы и не шалость: на коре повторялся один и тот же знак — вытянутый крест с наклонной поперечиной и неровным кругом у основания.

Точно такой же символ Роман видел утром на воротах ледника, где лежал погибший Егор Лунёв.

Хмуров провёл пальцем в перчатке по свежему срезу на древесине. Глубокий, нервный нажим. Резали коротким лезвием — возможно, обычным хозяйственным ножом.

Он поднялся по каменным ступеням крыльца. Ступени были покрыты скользким лишайником, но посередине виднелась чистая полоса — здесь регулярно ходили. Массивные дубовые створки входа казались глухими. Сверху их перехватывала толстая цепь, пропущенная сквозь кованые скобы. Однако сам навесной замок на ней блестел свежей смазкой. Его не сбивали — его регулярно открывали ключом.

Роман взял тяжелую дужку и с силой встряхнул створку.

Металлический грохот прокатился под каменным навесом и ушёл в глубину здания. Ответом была тишина. Ни лая собаки, ни человеческого голоса. Лишь где-то на верхотуре пронзительно скрипнула стропильная балка.

Роман ударил в дерево кулаком — трижды, твёрдо, по-хозяйски.

— Полиция! Открывайте!

За дверью ответили не сразу. Но спустя полминуты до уха Хмурова донёсся звук. Это не были шаги зрячего человека — быстрые и уверенные. Сначала раздался сухой, мерный стук дерева о камень: раз, другой, третий. Кто-то нащупывал дорогу палкой. За этим последовало тяжёлое, слитное шарканье валенок по кирпичному полу.

Засов внутри пошёл со скрипом. Железо упиралось. Человек за дверью тяжело дышал через нос, возился с щеколдой долго, на ощупь угадывая нужное положение задвижки.

Цепь тихо звякнула, поползла по дубовой доске. Левая створка открылась с нудным, долгим треском.

На пороге стояла старуха.

Роман невольно зафиксировал детали: ростом едва доходит ему до груди, худая, сутулая, укутанная в несколько слоёв тёмной одежды. Поверх поношенной телогрейки повязан плотный чёрный платок, концы которого уходили под подбородок и крест-накрест обматывали выцветшую шаль на груди.

Но главное — лицо. Оно казалось высеченным из сухого дерева: глубокие, резкие морщины у рта, провалившиеся щёки, тонкие бескровные губы. Глаза старухи были открыты, но смотрели не на Романа. Мутные, покрытые плотной белёсой плёнкой катаракты, они были обращены куда-то в пространство над его правым плечом. По застывшему, чуть наклоненному положению головы было видно: она не рассматривает его. Она слушает. Слушает его дыхание, скрип ботинок, шорох влажного драпа пальто.

Матушка Марфа была практически слепа.

— Громко стучишь, мил человек, — произнесла она. Голос у неё оказался низким, с резкой, трескучей хрипотцой. — В храме не кричат.

— Старший следователь областного управления Хмуров, — ровно представился Роман. — Мне нужно войти, матушка.

Марфа не шевельнулась. Её сухая рука, сжимавшая уловатый сук черемухи, заменявший ей трость, чуть сильнее стиснула дерево.

— Нечего здесь вынюхивать. Нету тут никого.

— В деревне найден труп Егора Лунёва, — перебил её Роман, не меняя бесстрастного тона. — Следы от места происшествия ведут к церкви. Мне нужно осмотреть помещение и задать вам несколько вопросов.

При имени погибшего губы старухи на мгновение сжались. В её лице не прозвучало ни испуга, ни удивления — лишь глубокая, каменная отстранённость.

— Егорку, значит, нашли... — тихо, словно про себя, прошелестела она. — Доходился. Говорила ему — нечего по ночам бродить.

— Что именно вы ему говорили? — быстро зацепился Хмуров.

Марфа не ответила. Она отступила на шаг в тень притвора и выпустила створку двери.

— Заходи, коли пришёл. Только под ноги смотри. Слева плита провалилась, ногу сломаешь — вытаскивать некому.

Роман перешагнул высокий порог. Дверь за его спиной со скрежетом вернулась на место. Старуха, не глядя, на ощупь провела сухими пальцами по косяку, нашла дужку и накинула цепь.

Внутри церкви стоял холод. Он отличался от уличного — здесь воздух был неподвижным, застоявшимся, пропитанным сырым кирпичом, ладаном и запахом старого воска.

Свет проникал сквозь проломленный купол и зияющие пустотой оконные проёмы второго яруса, падая на пол серыми тусклыми столбами. В них медленно кружилась кирпичная пыль. От прежнего иконостаса остался лишь остов из потемневших брусьев. Роспись на стенах почти полностью облупилась.

Однако храм не выглядел совсем брошенным.

В правом приделе, у сохранившейся стены, виднелись следы человеческого жилья. Там стояла небольшая чугунная печка-буржуйка, труба которой уходила в выбитое окно. Возле неё аккуратным штабелем были сложены сухие дрова. Чуть отдаль на дощатом настиле стояла узкая железная кровать с ватным одеялом, скромный стол и потемневший от копоти образ. Перед иконой теплился огонек лампы.

Марфа шла впереди. Она не ощупывала палкой каждую плиту — её движения были удивительно точными, вьёвшимися в память тела за долгие годы. Палка лишь слегка касалась

пола, проверяя известное только ей направление. Она легко обошла глубокую трещину в камне и остановилась у печки.

Роман не спешил задавать вопросы. Он медленно прошёл по центральному нефу, приглядываясь к деталям.

На каменных плитах пола отчётливо виднелись полосы засохшей грязи. Следы были свежими. Одни отпечатки — широкие, с расплывшимся краем — принадлежали тяжёлым мужским сапогам. Они тянулись от входа в глубину храма, огибали остатки иконостаса и терялись в тёмном боковом приделе.

— Кто к вам приходил вчера вечером? — спросил Роман, останавливаясь у границы этих следов.

Марфа стояла спиной к нему, протянув сухие ладони к едва тёплому боку буржуйки.

— Никого не было, — отозвалась она ровно.

— Враньё, матушка, — так же спокойно возразил Хмуров, опустившись на корточки и посветив фонарём на плиту. — На полу свежая глина. Мужской сапог сорок третьего размера с надрывом на подковке. Такой же отпечаток я видел у дома Егора. Он был здесь.

Старуха медленно повернула голову на звук его голоса.

— Приходил Егорка, — после паузы сказала она. Голос её оставался суховатым и спокойным. — Постоял у порога, воды попросил да ушёл.

— Во сколько?

— Не знаю я часов. Тёмно уже было. Ночь.

— Зачем приходил?

— За водой и приходил. Постоял, помолчал и сгинул.

— Куда сгинул? Домой?

Марфа молчала. Её пальцы медленно перебирали деревянные чётки, висевшие на поясе.

Роман поднялся, направив луч фонаря в тёмный угол за боковой аркой. Там, под низкой кирпичной связкой, темнела тяжелая дубовая дверь, забитая железными полосами. Возле неё на полу валялась ржавая цепь, а на досках у самой земли чернели свежие царапины.

— Что там за дверь? — Роман мотнул подбородком в ту сторону.

— Кладовая там. Старьё, — ответила Марфа без колебаний. Голос её звучал ровно.

— Откройте.

— Замка там нет. И смотреть там нечего. Дрова там да брусья прогнившие.

Роман подошёл к двери сам. От дубовых досок веяло ощутимым сквозняком. Пахло сырым камнем, гниющим деревом и подвалом.

Он взялся за железное кольцо-ручку.

И вот тут поведение старухи впервые изменилось.

— Не трогай, — проговорила Марфа.

Голос её не взлетел на крик, но в нём проступила резкая, натянутая струна. Она сделала шаг от печки, выставив трость перед собой, словно отгораживаясь от следователя. Сухие пальцы на дереве заметно напряглись.

— Почему? — спросил Роман, не выпуская кольца.

— Обвал там, — произнесла старуха. В её тоне впервые пропала вальяжная отстранённость, уступив место нервному упрямству. — Свод в катакомбах просел. Ступишь — завалит. Потом тебя из-под камней никто не вытащит.

Роман посветил на петли двери. Они были недавно смазаны. На пороге не было пыли.

— Вы сами туда спускаетесь? — спросил Хмуров.

— Нанималась я по подвалам лазить? — огрызнулась Марфа, дёрнув подбородком. — Сказано тебе — аварийное там всё. Заперто. Нечего там искать.

Роман опустил фонарь ниже. На кирпичном косяке у двери чернел ещё один выцарапанный знак: крест, перечеркнутая линия и круг.

Старуха стояла неподвижно, чутко ловя слухом каждое движение Романа. Она не предпринимала попыток напасть или утащить его от двери, но её поза выражала крайнюю степень внутренней мобилизации. Она контролировала каждое своё слово, боясь сказать лишнее.

Хмуров понял: прямо сейчас Марфа не откроет дверь и не станет давать показаний против себя или кого-то ещё. Без специального освещения, понятых и подмоги спустаться в незнакомые подземные ходы было бы нарушением элементарной техники безопасности.

Роман выпрямился и убрал фонарь в карман.

— Завтра я вернусь сюда с опергруппой и спасателями, — произнёс он, смотря на бледное, напряжённое лицо старухи. — Мы досмотрим это помещение и проверим состояние подвала. Если вы что-то скрываете, матушка, это станет известно.

Марфа никак не прокомментировала его слова. Она лишь медленно отступила назад к своей печке, снова приняв прежний отстранённый вид, и крепче сжала чётки.

— Делай, как знает твоё начальство, следовательно, — глухо отозвалась она. — Только под ноги смотри, когда уходить будешь. Ступени скользкие.

Роман ничего не ответил. Он повернулся и чеканным шагом пошёл к выходу из храма.

За его спиной со скрежетом закрылась тяжелая дверь, звякнула цепь, и Покровская церковь снова погрузилась в тишину. Марфа осталась одна в полутёмном зале — неподвижная, молчаливая, с открытыми мутными глазами, устремлёнными в тёмный угол с запертой дубовой дверью.

Глава 4. Марфа

Хмуров не ушёл.

Выйдя на ветреное крыльцо и сделав несколько шагов по скользким каменным ступеням, он остановился. Внизу, у полустгнившего штaketника, Гусев нервно переминался с ноги на ногу, похлопывая себя зябнувшими руками по бёдрам и неотрывно глядя на следователя.

Роман достал из кармана мятую пачку сигарет, вытащил одну, с третьей попытки прикрыл огонёк спички от порывистого ветра и жадно затянулся. Горький, сухой дым обжёт горло.

В голове складывался пазл, в котором не хватало главного элемента — процессуальной основы. Осмотр места происшествия у ледника он провёл, но показания главного свидетеля — а возможно, и соучастника — до сих пор не были оформлены. Слова, сказанные Марфой в полутёмном зале, без протокола допроса оставались просто словесным шумом. Если завтра из района доберётся следственная группа или приедет прокурор, первым вопросом будет: почему не отобрано объяснение у гражданки Коротковой?

Роман выкинул окурк в грязь, растер его носком ботинка и обернулся к закрытым дубовым створкам.

Никакого смысла откладывать официальный опрос на утро не было. Напротив: именно сейчас, пока старуха не успела оправиться от его появления и выстроить защиты, нужно было зафиксировать её показания на бумаге.

Он вернулся к двери и постучал снова — на этот раз ровно, чеканя каждый удар рукоятью тяжелого фонаря.

— Марфа Семёновна! Открывайте. Мне нужно оформить протокол опроса.

Внутри храма наступила пауза. Затем послышался глухой стук трости — на этот раз быстрее, нетерпеливее. Засов с визгом пошёл по ржавым направляющим, цепь звякнула, и створка приоткрылась.

Старуха стояла в проёме, чуть подавшись вперёд. Её бледное, испещрённое морщинами лицо выражало досаду, смешанную с угрюмым насторожением.

— Чего ещё, следователь? Сказано же тебе всё.

— По закону сказанное должно быть записано, — ровно ответил Роман, бравшись за край двери. — Впустите. Я задержусь ненадолго.

Марфа медленно опустила плечи, издала длинный, похожий на змеиный шип выдох и отступила внутрь.

— Заходи. Только садиться мне тебя некуда. У печи табурет один, да и тот шатается.

— Я постою, — ответил Хмуров, снова закрывая за собой дверь.

Они прошли к приделу, где горела лампада и пощёлкивала дровами буржуйка. Роман достал из планшета бланк объяснения, пристроил его на край старого дощатого стола возле иконы и вытащил шариковую ручку.

— Дата, место, время... — пробормотал он вслух, заполняя шапку документа. За годы службы этот механический ритуал стал для него способом полностью отстраниться от эмоций и включить чистую аналитику. — Короткова Марфа Семёновна, тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения. Всё верно?

— Верно, — сухо отозвалась старуха. Она села на низкий табурет у печки, положив сухие ладони на кобуру коленей. Трость прислонила к боку.

— Гражданка Короткова, предупреждаю вас об ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Расскажите подробно о ваших отношениях с погибшим Лунёвым Егором Алексеевичем.

Марфа чуть повернула голову на звук раскрашивающегося бланка.

— Какие отношения, мил человек? Никаких отношений. Я старуха слепая, вдова тридцать лет как. Живу при храме из милости, да потихоньку за местом присматриваю. Помещения проветриваю, свечи тепло. Еду мне сердобольные из деревни приносят — кто хлеба кусок, кто картошки. А Егорка... Егорка парень был безотказный. Когда дрова привезти, когда замок подправить, когда крышу перекрыть. Вот и вся связь.

— Он получал от вас деньги за работу?

— Какая у меня денюга? — Марфа горько усмехнулась, обнажив тёмные, изъеденные временем десны. — Печеньем да чаем расплачивалась. Иногда молилась за него. У него матушка покойная святой жизни была, мы с ней знали в своё время.

— Как часто Лунёв приходил к церкви? — Роман не поднимал глаз от бланка, вычерчивая синими чернилами ровные строчки.

— Да раз в неделю, может, два. Когда время свободное от лесопилки выпадало.

— А в последние дни?

— В последние дни не видела его... то бишь не слыхала, — быстро поправилась старуха. — Дня три не было точно.

Роман сделал паузу. Перышко ручки зависло над бумагой.

— Вы уверены?

— Я ушами не обижена, следовательно. Каждую душу, что на холм поднимается, за версту слышу. Не было его три дня.

— Однако полчаса назад вы сказали мне, что Егор приходил вчера вечером. За водой.

Марфа на мгновение замерла. Её сухие пальцы на коленях чуть сжались, смяв тёмную ткань юбки. Но лицо осталось непроницаемым.

— А-а... — протянула она медленно, с паузой. — Вчерашний-то вечер. Так то не визит был. Он к порогу подошёл, стукнул раза два да прочь пошёл. Я к двери подошла — а его уж и след остыл. Может, и не Егорка то вовсе был, а пьяный кто из деревни. Я ж говорю — глазами-то не вижу. Почудилось, значит.

— Почудилось, — повторил Роман без интонации. — Человек подошёл к запертой церкви в полночь, стукнул в дверь, вы подошли, но спросить «кто там?» не успели, и он ушёл. Я правильно вас понял?

— Правильно поняли. Старая я стала, путаюсь.

Хмуров медленно выпрямился. Он убрал ручку в карман и повернулся к старухе.

Ложь была очевидной. В первом разговоре Марфа чётко описывала Егора: его характерный шаг «с пятки», кашель перед стуком, то, что он просил воды. Теперь же, под протокол, она резко отступала назад, превращая реальный визит в туманное «почудилось».

Зачем? Зачем человеку, не причастному к преступлению, так неуклюже путаться в показаниях о времени последнего контакта с жертвой?

— Марфа Семёновна, — произнёс Роман, делая шаг ближе к печке. — Кабинетный следователь на моём месте, возможно, решил бы, что вы просто забывчивы. Но я только что осматривал труп Лунёва в леднике. Смерть наступила от шести до десяти часов назад. То есть именно в ту ночь, когда вы, по вашим словам, слышали стук у двери.

Марфа молчала. Огонь в буржуйке тихо гудел, отбрасывая на её бледную щеку оранжевые отблески.

— У Лунёва сломаны рёбра, разрушена грудная клетка и имеются специфические ранения плоти, — продолжал Хмуров, пристально наблюдая за реакцией старухи. — А прямо от крыльца вашей церкви к месту, где нашли тело, тянется след волочения и свежая кровь.

При слове «кровь» старуха чуть заметно вздрогнула. Ее подбородок дернулся вверх.

— Я из храма не выхожу, — глухо сказала она, смотрит не на Романа, а куда-то в темноту между колоннами. — Дальше крыльца годами не ступала. Мне деревня не нужна, и я людям не

нужна. Какая мне выгода Егорку обижать? Чем я, слепая развалина, мужику здоровому урон нанести могу?

— Я не говорю, что вы нанесли ему урон лично, — отозвался Хмуров. — Я говорю о том, что вы знаете, кто это сделал. И скрываете это.

— Ничего я не знаю! — неожиданно резко выкрикнула Марфа. Голос её звякнул сухим железом. — Ходят тут всякие! Лес кругом, народу дикого полно! Браконьеры, беглые, пьянь деревенская! Мало ли кто Егора в овраге встретил? А на меня наговаривать не смей! Я богу служу, я греха на душу не беру!

Она махнула рукой — широко, в сердцах, пытаясь отогнать от себя слова следователя.

И именно в этот момент Роман увидел то, чего не заметил при первом осмотре.

Широкий рукав её поношенной, тёмно-коричневой шерстяной кофты задрался вверх, обнажая сухое, жилистое предплечье. Из-под грубой вязки выскользнул край нижней полотняной рубахи.

На серо-белом полотне манжеты темнело широкое, правильной формы пятно.

Оно не было черным, как уголь от печки, и не выглядело старой масляной грязью. Пятно имело характерный буро-коричневый, корочкообразный оттенок, с чуть приподнятыми, заскорузлыми краями — именно так высыхает на ткани густая человеческая кровь, впитавшаяся в волокна несколько часов назад. На самой шерстяной кофте снаружи этого пятна почти не было видно из-за тёмного цвета пряжи, но на светлом ластовице нижнего рукава оно проступало с ужасающей чёткостью.

Более того: на тыльной стороне её правой ладони, в складках между большим и указательным пальцами, застряли мелкие, уже высохшие чешуйки темно-красного цвета.

Роман не изменился в лице. Он не сделал резкого движения, не потянулся к кобуре. Его обученный мозг мгновенно переключился в режим фиксации материальных улик.

— Марфа Семёновна, — тихо и очень ровно произнёс он, не сводя взгляда с её руки. — Покажите мне ваши рукава.

Старуха замерла. Её рука, только что отчаянно махавшая в воздухе, повисла. Она чутко уловила перемену в тоне следователя — эту ледяную, профессиональную собранность, которая появляется у оперативников, когда они натываются на прямую улику.

— Зачем это? — осторожно спросила она, не шевеля кистью.

— Покажите правую руку. И засучите рукав кофты.

— Ишь чего захотел... — Марфа попыталась усмехнуться, но усмешка выродилась в сухую судорогу губ. Она медленно начала убирать руку за спину, под шаль. — Руки у меня старые, грязные. В саже вся, в пепле. Печку топлю, дрова ношу. Нечего там разглядывать.

— Не убирайте руку, — повелительно отрезал Хмуров.

Он сделал быстрый шаг вперёд, перехватил её запястье пальцами в кожаной перчатке и зафиксировал его.

Старуха вырвалась с неожиданной для её возраста, сухой и жилой силой. Она зашипела, подалась всем телом назад, пытаясь освободить руку:

— Пусти! Не смей трогать! Какое право имеешь?!

— Тихо! — Роман удерживал её кисть твёрдо, но без лишней жестокости, не позволяя ей спрятать рукав под телогрейку. Второй рукой он достал из кармана мощный тактический фонарь и направил узкий, слепящий луч белого света прямо на манжету её рубахи.

В ярком свете диода сомнений не осталось.

Это была кровь. Свежая, пропитавшая полотно, ещё не успевшая превратиться в трупный прах. На изгибе манжеты отпечатался фрагмент оттиска — словно старуха хваталась за чью-то окровавленную одежду или удерживала влажный, разорванный край плоти. А в чешуйках под её ногтями блестела сухая бурая корочка.

— Это что такое, Марфа Семёновна? — хрипло спросил Роман, наклоняясь к самому её лицу.

Старуха перестала рваться. Она тяжело, прерывисто дышала, уткнувшись слепым взором в грудь следователя. По её иссушённой щеке пробежала судорожная волна.

— Сажа это... — прошептала она, но в её голосе уже не было прежней упрямой уверенности. Голос ломался. — Дрова колола... щепой руку поранила...

— Щепка не даёт такого пятна, — жестко возразил Роман. — Это человеческая кровь. И пропитана ею ваша манжета не три дня назад, а сегодня ночью.

Он выпустил её запястье, но не отступил ни на сантиметр.

— На Егоре Лунёве разорвана одежда. На груди — рваные раны. Вы были рядом с ним, когда он умирал? Или вы тащили его тело от крыльца?

Марфа медленно опустила руку на колени. Она больше не пыталась спрятать рукав. Старуха словно усохла ещё больше, сжалась в сероватый комок старого вранья и немощи. Ее слепые глаза мелко подрагивали под белёсыми веками.

— Я ничего не скажу тебе, следовательно... — тихо, почти беззвучно произнесла она. Голос ее прозвучал отстранённо, будто она говорила из глубокого колодца. — Хоть в тюрьму меня сажай, хоть на морозе гной. Ничего ты от меня не услышишь.

— Вы понимаете, что это прямая улика? — Хмуров достал из планшета стерильный конверт и пинцет. — Я сейчас изыму образцы ткани с вашей манжеты. Завтра экспертиза в районе подтвердит группу крови. Если она совпадёт с кровью Лунёва — вас арестуют как соучастника убийства.

— Арестовывай, — безжизненно отозвалась старуха. — В тюрьме хоть тепло. И двери там крепкие... железные.

Роман аккуратно, стараясь не повредить волокна, срезал раскладным ножом небольшой фрагмент окровавленной манжеты, упаковал его в бумажный конверт и тщательно запечатал. Заполняя на бирке конверта данные улик, он неотрывно наблюдал за Марфой.

Она не боялась ареста. Это разительно отличало её от обычных деревенских преступников, которые при обнаружении крови начинали юлить, плакать, валить вину на соседей или алкоголь. Марфа боялась чего-то другого. Её страх был глубоким, рациональным и абсолютно не связанным с Уголовным кодексом или сроком в колонии.

Она знала, чья это кровь. И она пошла на то, чтобы вычкать в ней собственные руки, ради сокрытия тайны.

— Кто был в церкви этой ночью? — снова спросил Роман, убирая конверт в портфель. — Кого вы прятали? Кого отмывали от крови?

Старуха медленно подняла голову. Её мутные глаза встретились с его взглядом, и хотя она не могла его видеть, Хмуров почувствовал, как между ними натянулась невидимая, тяжелая нить.

— Ты умный человек, Роман Сергеевич, — тихо сказала она. Голос её больше не хрипел — он прозвучал удивительно чисто и скорбно. — В погонах, при законе. Думаешь, всё в твоих бумажках прописано. А только есть места, куда закону ходить не надо. Не от зла люди молчат. От беды молчат. Уезжай ты отсюда. Забирай своего участкового и уезжай. Скажи начальству — несчастный случай. Зверь в лесу задрал.

— Зверь символы на деревьях не режет, — чеканно ответил Хмуров. — И знаки на воротах не оставляет. Убийство будет расследовано. Все, кто причастен — подсудимые или укрыватели — сядут на скамью.

Марфа горько, беззвучно качнула головой.

— Ну, ищи... — прошептала она, нащупывая свою трость. — Ищи, коли жизни не жалко. Только смотри — как бы сам по этому счету платить не начал.

Роман не стал отвечать. Он быстро доставил протокол опроса, указав в нём факт отказа гражданки Коротковой от дачи подробных показаний, а также протокол изъятия образцов ткани со следами вещества, похожего на кровь.

— Подпишите от дачи показаний.

— Не умею я расписываться, — отвернулась старуха. — Слепая.

Роман поставил в протоколе соответствующую отметку, закрепил её своей подписью и убрал бумаги в папку.

Она лгала во всем. Она лгала, что не выходит из храма. Лгала, что не видела Егора. Лгала про сажу и щепу. Кровь на её рукаве была прямым вещественным доказательством того, что Марфа Семёновна Короткова находилась на месте преступления либо вступала в непосредственный контакт с убийцей в первые минуты после расправы.

И все нити от этой крови уходили в тёмный угол — к окованной дубовой двери, за которой тянулся ледяной сквозняк из катакомб.

— Завтра в восемь утра я буду здесь с ордером на обыск и следственной группой, — сказал Роман, застёгивая пальто. — До этого времени вам запрещено покидать территорию церкви. Сержант Гусев выставит пост у подножия холма.

Марфа ничего не ответила. Она снова села неподвижно у печки, обхватив сухими руками черемуховую трость, и замёрзла, превратившись в тёмный, безжизненный изваяние среди сырых кирпичных стен.

Роман развернулся и быстро пошёл к выходу.

За его спиной не гремели засовы и не звякали цепи. На этот раз старуха даже не поднялась, чтобы закрыть за ним дверь. Храм остался приоткрытым навстречу наступающим ночным сумеркам и воющему верховому ветру.

Выйдя на крыльцо, Хмуров вдохнул полной грудью морозный воздух. Руки в перчатках слегка подрагивали от перенапряжения. Он посмотрел на конверт в портфеле, потом на тёмный силуэт Покровской церкви.

Первая победа следствия была одержана — улика найдена, лжесвидетельство зафиксировано. Но в глубине души Роман чувствовал: он не приблизился к разгадке. Он лишь сорвал тонкую верхнюю корку с древней, гноящейся ямы, и теперь из неё поднимался такой холод, от которого застывала кровь.

Он начал спускаться по скользкому склону вниз, к ожидавшему его участковому, не ведая, что следующая ночь принесёт в Низовку события, после которых протоколы и улика потеряют всякий смысл.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.